

Технологии «цветных революций»

Инструмент смены «неудобных» режимов:
генезис сетевой трансформации

© Подберезкин А. И., Чирков М. А., Чистяков М. С.

© Podberezkin A., Chirkov M., Chistyakov M.

**Технологии «цветных революций». Инструмент смены «неудобных» режимов:
генезис сетевой трансформации**

**The technology of “color revolutions”. The tool to change unwanted regimes:
network transformation genesis**

Аннотация. Эпоха постбиполярного мироустройства контрастирует с так называемыми традиционными классическими конфликтами, а также с конфликтными проявлениями «холодной войны». Технологии «цветных революций» по смене государственного строя — одна из угроз суверенитету. Социальные сети — инструмент организации «цветных революций». Преобладающими стали «стратегия непрямого действия» и «стратегия безлидерного сопротивления», которые в своей основе опираются на сетевые структуры.

Annotation. The era of the post-bipolar world order contrasts significantly with the so-called “traditional classical” conflicts, as well as with the conflict manifestations of the cold war. As one of the threats to state sovereignty in the modern world order, it is necessary to consider the presence of technologies of the “color revolution” and their implementation to change the “objectionable” state system. Social networks as network technologies, in addition to an effective business product of mass communications, are an operational, tactical and strategic tool in the “color revolutions” organization and coordination. “Strategy of indirect action” and “strategy of no-leader resistance” become predominant, they are fundamentally based on the network structure.

Ключевые слова. Глобализационные процессы, государственный суверенитет, расширение политических и экономических блоков, эволюция международных отношений, инструментарий воздействия, мировое геополитическое устройство.

Key words. Globalization processes, state sovereignty, political and economic blocs expansion, evolution of international relations, instruments of influence, global geopolitical structure.

1

Государства находятся в атмосфере глобализационной инерции, выраженной в «усилении взаимосвязи и взаимозависимости субъектов в экономической, культурной, государственно-политической, правовой,

ПОДБЕРЕЗКИН Алексей Иванович — директор центра военно-политических исследований МГИМО(У) МИД России, профессор, доктор исторических наук, зам. главного редактора журнала «Вестник МГИМО-Университет».

ЧИРКОВ Максим Андреевич — доцент кафедры политической экономии МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат экономических наук.

ЧИСТЯКОВ Максим Сергеевич — соискатель ученой степени кандидата наук, Институт экономики и менеджмента Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.

социальной, экологических сферах... в глобальном масштабе, основанного на образовании мировой экономики, интеграции финансовых рынков,.. новых информационных, коммуникационных, транспортных технологиях». Следствие — «изменения, приводящие к выходу властных полномочий, авторитета, действий и интересов за пределы... территориальных границ» [1. С. 84—85].

Глобализация трансформировала динамику возникновения и течения международных конфликтов, создав необходимость методов предупреждения, нивелирования конфликтов на начальных этапах, а в фундаментальной основе — формирования прогнозируемой и стабильной модели межгосударственных отношений.

В новых условиях «сохранение... нейтралитета как гаранта бесконфликтного существования страны практически невозможно. Невмешательство во внешнеполитические дела государств, невнимание к внутренним делам близких или отдаленных соседей... не может себе позволить... ни одна страна мира» [9; 18]. Иными словами, усилились экономический и политический шантаж, манипулирование слабыми государствами со стороны стран с более прогрессивной моделью социально-экономического развития, что нагнетает напряженность.

Таким образом, конфликт в разных формах неразрывно прослеживается в эволюции международных отношений. Изначально межгосударственный конфликт проявлялся в войнах и дипломатических перипетиях. Война как открытое вооруженное противостояние являлась заурядной формой межгосударственного противоборства за ресурсы и лидерство.

Эпоха постбиполярного мироустройства контрастирует с так называемыми традиционными классическими конфликтами, а также с конфликтными проявлениями «холодной войны».

При современном потенциале обоюдного уничтожения конфликты подразумевают минимальное задействование оружия. Все больше практикуется отказ от открытой военной агрессии в пользу применения несиловых форм подавления и уничтожения противника. Это прослеживается в так называемых теориях «гибридных войн», «информационных войн», «мягкой силы» [11; 21].

Следующая характерная черта «нового» формата конфликтов XXI в. — отсутствие их концептуальной основы, «первоисточника конфликтного проявления». Так, в эпоху «классических» конфликтов — в период античности, в Средние века и Новое время — международные конфликты имели сугубо материальный характер, т. е. велись с целью захвата чужой территории и ресурсов. Но материальный характер войн маскировался идеологическим обоснованием — религиозным (как, например, в эпоху крестовых походов) или культурно-цивилизационным (его выразил знаменитый лозунг о «бремени белого человека», призванного нести культуру и просвещение отсталым народам в эпоху колониальной экспансии европейских держав) [8. С. 63].

Общей чертой «классических» конфликтов, а также конфликтов «холодной войны» является ценностно-ориентационная основа — обоснов-

вание конфликта с точки зрения теоретической составляющей (цивилизационной, религиозной, идеологической).

Методы противостояния без использования силы практиковались давно. Так, пропагандистские войны использовались, в частности, для генерации негативного образа врага. Но ранее несилловые войны были вспомогательными, а современность располагает обширным массивом примеров их применения как основного способа давления на противостоящую сторону.

Обоснованием применения нетрадиционного способа смены «неудобных» режимов служит концепция «конца истории» Ф. Фукуямы. Он провозглашает переход к некоему «золотому веку» в международных отношениях, базирующемуся на отсутствии межгосударственных противостояний и войн и формированию «глобального человеческого правительств». Платформой для создания этой системы призвано стать победоносное распространение западной демократии с ее либеральными ценностями и, в конечном итоге, безоговорочное принятие ее большинством стран в качестве универсальной конфигурации государственно-политического устройства [20].

После распада СССР и исчезновения сдерживающих сил биполярного мироустройства США возложили на себя миссию катализатора процесса перехода к эпохе «конца истории» и главного транзитера западно-либеральной демократии посредством активно-принудительного склонения к демократическому лагерю государств, которые, по их мнению как единственной сверхдержавы, слишком медленно идут к данному этапу исторического развития. Такая позиция США способствовала закреплению их доминирования, в том числе через навязывание концепции американского мира, которая основывалась на главенствующей роли США в мире.

2

Одна из угроз государственному суверенитету — само наличие технологий «цветных революций» для смены «неудобного» государственного строя.

Термин «цветная революция» во многом условен и носит описательный характер. Довольно часто его отождествляют с понятием «государственный переворот». Так, О. Н. Глазунов под государственным переворотом предлагает рассматривать «насильственное, совершенное в нарушение конституции, свержение государственного строя либо захват государственной власти» [4. С. 8]. Тем не менее в большинстве случаев употребляется именно словосочетание «цветная революция», причем ряд авторов предлагает использовать его без кавычек [10; 12].

Технологии «цветных революций» стали возможны лишь на определенном уровне глобализации и технологического развития. Как замечает Н. Е. Белова, «своеобразной мегатехнологией “цветных революций” можно считать такое собирательное понятие, как “мягкая сила”» [3. С. 5],

которое характеризует комплекс «ненасильственных» методов демонстрации государственно-политического строя. Данные методы делятся на организационные, информационные и когнитивные. Термин «мягкая сила» («soft power»), или более точно — «гибкая власть», ввел Джозеф С. Най, который концептуально изложил ее в своих работах [12; 21]. По мнению Е. Г. Пономаревой, «главный смысл “soft power” заключается в формировании привлекательной власти, т. е. в способности влиять на поведение людей, опосредованно заставляя их делать то, что в ином случае они никогда бы не сделали» [15. С. 45].

С. Джозеф Най-мл. так конкретизирует источники «мягкой силы»: «Мягкая сила страны прочно зиждется на трех основных источниках: ее культуре (в местах, где она привлекательна для других), ее политических ценностях (когда она сама живет согласно этим ценностям и руководствуется ими в отношениях с другими странами), и ее внешней политике (когда другие считают ее законной и имеющей моральное право)» [13. С. 152].

Для «цветной революции» характерны внешнее давление, делегитимация правящего режима, противоречия внутри властной элиты, отсутствие проекта будущего, неспособность власти применить силу и регионально-этические противоречия [5. С. 43].

В 1994 г. советник Б. Клинтона по национальной безопасности Энтони Лейк провозгласил доктрину «демократических транзитов». В качестве стратегического направления она предполагала стремительное «расползание» западных либерально-демократических ценностей по территории постсоветских государств. В частности, ее предполагалось реализовывать через расширение политических и экономических блоков на постсоветское пространство. Прологом реализации доктрины «транзита демократии» стало выступление Лейка перед аудиторией Университета Джона Хопкинса 21 сентября 1993 г. Место «сдерживания враждебных устремлений Советского Союза» заняло «расширение мирового сообщества свободных рыночных демократических государств» [7]. США направили собственный внешнеполитический потенциал на расширение своего господства.

Б. Клинтон, выступая в Джорджтаунском университете, сказал, что «защита свободы и демократии во всем мире... играет важнейшую роль в защите наших национальных интересов. Демократия — это мир между народами, свободный обмен идеями и торговля». Исходя из этого, «мы имеем полное право обуславливать предоставление помощи и кредитных льгот реальным продвижением в сторону демократии и рыночных реформ» [2]. Тогда США еще воздерживались от открытого вооруженного вмешательства в суверенное политическое и экономическое пространство других государств.

Но уже в начале XXI в. США трансформируют «расширение демократии» в «смену режимов», что допускает насильственное свержение последних, если США сочли их антидемократическими, — для установления «демократических» ценностей и формирования бесконфликтного общественного строя строго по Фукуяме.

3

Последние события по демонтажу законной власти в Венесуэле (23 января 2019 г. в Каракасе начались массовые протесты против всенародно избранного президента Венесуэлы Николаса Мадуро) в очередной раз свидетельствуют о желании США перестроить зону своих стратегических интересов. Глава Национальной ассамблеи Венесуэлы Хуан Гуайдо провозгласил себя исполняющим обязанности президента Венесуэлы. Президент США Д. Трамп назвал Мадуро «нелегитимным» лидером и признал верховенство Хуана Гуайдо как человека, «возглавляющего единственный орган власти, избранный народом Венесуэлы» [16]. Официальный представитель МИД России Мария Захарова прокомментировала: «На примере событий в Венесуэле хорошо видно, как прогрессивное западное сообщество в реальности относится к международному праву, суверенитету и невмешательству во внутренние дела государств, в ручном режиме меняя там власть».

Главная особенность «цветных революций» — смена законного политического режима, а не установление демократических ценностей и свобод. Зачастую, как показывает история, внешнее вмешательство под эгидой демократии влечет за собой деструкцию государственного строя и самого привычного образа жизни. Не вызывает сомнений идентичность сценариев государственных переворотов в Тунисе, Египте, Ливии, а также политических технологий для провокации междоусобных войн в Ираке и Сирии. На поток поставлен сценарный подход реализации единых технологий «расширения демократии».

Технологии «цветных революций» базируются на идеях Р. Тома и Дж. Шарпа. В 1980-х гг. в Санта-Фе был организован Институт междисциплинарных исследований, главной целью которого являлось применение теории хаоса к военным задачам и политическим стратегическим доктринам.

Стивен Манн в докладе «Теория хаоса и стратегическая мысль» (1992) озвучил необходимость генерации новых стратегий на внешнеполитической арене, которые бы учитывали методологические основы теории хаоса: «Даже при отсутствии внешних потрясений успешная сложная система включает в себя факторы, которые толкают ее за пределы стабильности, в турбулентность и перестроение... Мы можем многому научиться, если рассматривать хаос и перегруппировку как возможности, а не рваться к стабильности как иллюзорной цели...» [9]. Он уверен, что доктрина «управляемого хаоса» является действенным инструментарием достижения национальных интересов США, а одним из механизмов формирования управляемых хаотичных процессов считает стратегию содействия рыночным реформам и демократическим преобразованиям.

«Цветные революции» можно рассматривать как вызов существующему строю. Скоординированная толпа своей задачей ставит

провокации органов государственной власти к действиям, направленным против созданного образа мирных «демократических» масс, что влечет за собой цепь событий, способных принести тяжелые последствия для государственности, в том числе для руководящей администрации. Политические провокации осуществляются в период подготовки к избирательной кампании, а также непосредственно в день голосования. Данный стратегический подход не случаен, т. к. указанный период в политической жизни страны наиболее уязвим с точки зрения реализации государственных функций в условиях латентного давления извне.

Провокации создают фон якобы демократичного мирного протестного движения за справедливость. В эпоху всеобщей цифровизации генерируется виртуальная реальность, обладающая спецификой знаково-символического эпатажа и позиционируемая как прогрессивно-протестная и модная. Особые черты и элементы одежды, аксессуаров (украшения, значки, нашивки), граффити и надписи, печатная продукция (листовки, газеты, баннеры) создают определенный знаковый фон повседневной жизни. При межличностном общении и общественных отношениях задействуется вызывающий стиль поведения, иные формы коммуникаций. Протестные массы берут на вооружение перформансы (что позволяет спроектировать определенный образ на технологической основе генерации зрелищ и привлечь массовое внимание), флеш-мобы, представляющие собой кратковременные выразительно-импульсивные массовые акции, которые могут переходить в более широкие действия протестной направленности (демонстрации, митинги, пикеты), в том числе с вовлечением механизмов социально-политической драматургии. Используются ресурсы соцсетей, блогов с определенной целевой аудиторией, среди которых — инструменты массовых коммуникаций посредством мобильной связи.

Эти действия направлены на создание особого «сетевого» пространства, где тесно переплетены все сферы социума. Затем это «сетевое» пространство становится платформой для реализации политических технологий, включая методы протестной инженерии, что можно охарактеризовать как заключительный этап «цветной революции» [б. С. 45—46].

Говард Рейнгольд, специалист по социальным, культурным и политическим импликациям в медиапространство, в книге «Умная толпа» (2002) детально описал флэшмоб как особый инструмент формирования социальных связей [17]. Он предугадал волну новых социальных революционных потрясений, подчеркивая, что смартмобы (флеш-акции) как особая форма самоструктурирующейся социальной организации отличаются мобильностью, поскольку используют высокие технологии. Его книга стала активатором создания интернет-ресурса для организации подобного рода мероприятий Робом Зазуэтом — автором первого сайта (FlockSmart.com) для координации при планировании указанной социальной активности.

Социальные сети, кроме эффективного бизнес-продукта массовых коммуникаций, являются орудием «мягкой власти» в организации и координации «цветных революций». Они представляют собой разновидность когнитивных технологий, что делает их наиболее опасными в формировании и направлении массового сознания. В отличие от фундаментального принципа западного рационализма, сформулированного Декартом в «Рассуждении о методе» (1637), — «мыслю, следовательно, существую» (*cogito ergo sum*), сегодня к понятию когнитивного относятся не только процессы мышления, но и любые формы взаимодействия человека и среды, основанные на построении образа ситуации. Хорошо это или плохо, но время меняет принципы и законы, ранее казавшиеся незыблемыми. Так, известное утверждение «кто владеет информацией — тот владеет миром» уступило место принципу когнитологии «кто умеет систематизировать информацию и из нее получать информацию — тот правит миром» [15. С. 50].

Когнитивные и информационные технологии, развиваясь, дополняли друг друга, формируя задел и потенциал развития для нового технологического уклада, в котором личность одновременно выступает объектом и субъектом. Особый интерес с различных позиций и сфер применения представляют направления когнитивных технологий, способные трансформировать социальный аспект поведения человека и групп.

Стремительный генезис биотехнологий в конце XXI в., зарождение нанотехнологий способствовали появлению NBIC-конвергенции (N-нано, B-био, I-инфо, C-когно). По справедливому замечанию И. Ю. Сундиева, NBIC-конвергенция уже является частью всех аспектов жизнедеятельности социума, предопределяя (прямо или косвенно) механизмы и характер течения процессов социальных коммуникаций, их особенности и динамику. Особый вклад NBIC-технологии внесли в формирование военной стратегии, черты NBIC-конвергенции в виде особых форм синергетического воздействия на личность перенял преступный мир. В политике преобладающими стали «стратегия непрямых действий» и «стратегия безлидерного сопротивления», которые опираются на сетевые структуры посредством генерирования среди населения потенциального противника очагов подрывной коллаборации [19].

Англосаксонский мир не оставляет попыток окончательной фиксации безоговорочного глобального доминирования с помощью сетевых структур и высоких технологий, переформатированных в инструментарий «цветной» смены «неудобных» режимов. При этом считается неуместным акцентировать свое внимание и мирового сообщества на последствия таких вмешательств и насаждения «мягкой власти» — нищете, социальный хаос, рост беженцев в соседние государства.

Литература

1. **Арзамаскин Н. Н., Смирнов С. В.** Суверенитет современного государства в условиях глобализации : монография. Ульяновск : УлГУ, 2012.
2. **Бамстед Р. А.** Президент Билл Клинтон // США: экономика, политика, идеология. 1993. № 1.
3. **Белова Н. Е.** Структурно-содержательный анализ технологий организации «цветных революций» // Культура и образование. 2014. № 12(16).
4. **Глазунов О. Н.** Государственный переворот : Стратегия и технологии. М. : ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2006.
5. **Завалько Г. А.** Понятие «революции» в философии и общественных науках: проблемы, идеи, концепции. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : КомКнига, 2005.
6. **Кокорин В. В.** Цветные революции: попытка определения понятия // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. Т. 11. № 54.
7. **Лейк Э.** Новая стратегия США: от «сдерживания» к «расширению» // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 3.
8. **Лукьянов В. Ю.** К вопросу о природе международных конфликтов в XXI веке // Конфликтология. 2017. Т. 12. № 3.
9. **Манн С.** Теория хаоса и стратегическое мышление. — <https://goldenlib.ru/kniga-teoriya-haosa-i-strategicheskoe-myshlenie> (дата обращения: 19.02.2019).
10. **Манойло А. В.** Информационный фактор цветных революций и современных технологий демонтажа политических режимов // Вестник МГИМО(У). 2014. № 6(39).
11. **Манойло А. В.** Технологии несилового разрешения современных конфликтов. М., 2014.
12. **Най Дж. С.** Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике / пер. [с англ.] В. И. Супруна. Новосибирск ; М. : Фонд Социопрогностических исследований «Тренды», 2006.
13. **Най С. Джозеф (мл.).** Будущее власти / пер. с англ. В. Н. Верченко. М. : АСТ, 2014.
14. **Пономарева Е. Г.** Секреты «цветных революций» // Свободная Мысль. 2012. № 1/2.
15. **Пономарева Е. Г.** Секреты «цветных революций» // Свободная Мысль. 2012. № 3/4.
16. Попытка госпереворота в Венесуэле : Главное. — <https://news.mail.ru/politics/36077260/?frommail=1> (дата обращения: 19.02.2019).
17. **Рейнгольд Г.** Умная толпа: новая социальная революция. М., 2006.
18. **Руди А. Ш.** Конфликтогенность глобального мира // Вестник Челябинского государственного университета : Социология. Философия. Культура. 2010. № 20(201). Вып. 18.
19. **Сундиев И. Ю.** Когнитивные технологии: темная сторона прогресса. — <http://spkurdyumov.ru/networks/kognitivnye-texnologii-temnaya-storona-progressa/> (дата обращения: 21.02.2019).
20. **Фукуяма Ф.** Конец истории и последний человек. М., 2004.
21. **Nye J. S.** Soft Power: The Means to Success in World Politics. N. Y. : Public Affairs, 2004. ◆